

между комсомольцами-передовиками и «отстающими» молодыми рабочими. На курсах техминимума последние повышали квалификацию за счет приобретения новых знаний о чтении чертежей, установке и заточке деталей, эксплуатации оборудования и т. д. Данные мероприятия способствовали росту их производительности труда. Например, 10 марта 1943 г. на заводе № 188 пять рабочих-подростков выполнили нормы от 60 до 91%. После десятидневного курса дополнительной подготовки в стахановской школе они стали выполнять нормы от 110 до 147%⁶.

Повышение производительности труда молодого поколения трудящихся являлось фактором изменения сущности подростково-юношеской социализации в сфере военно-промышленного производства. Базовое производственное обучение и последующие мероприятия по повышению квалификации молодых рабочих служили механизмами ее адаптации к индустриальному труду. После освоения опыта работы стахановцев, рационализируя технологические процессы, подростки и молодые люди добивались перевыполнения норм выработки. Например, в Новосибирске на заводе № 153 в апреле 1942 г. два молодых рабочих – Нечай и Афонькин, стали тысячниками. Секретом успеха стала их совместная работа на одном станке. Один рабочий выполнял шлифовку деталей, другой – готовил их обработке. Кроме того, молодые новаторы увеличили число оборотов на станке, что также способствовало росту производительности труда⁷.

Профессиональная самореализация рабочей молодежи оборонных предприятий являлась завершающей стадией ее производственной социализации. На данном этапе значительному перевыполнению норм выработки способствовали уплотнение рабочего дня, методичность выполнения отдельных операций, механизация труда, взаимный обмен профессиональным опытом. Благодаря этим факторам, молодые рабочие добивались производственных рекордов и становились стахановцами военного времени.

Таким образом, подростково-юношеская социализация в сфере оборонного производства в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны включала, с одной стороны, процесс адаптации молодежи к индустриальному труду через систему обучения техническим знаниям и навыкам, с другой – ее профессиональной самореализации в ходе самостоятельной трудовой деятельности.

¹ ГАНО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 291. Л. 3.

² Там же. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1087. Л. 1; Д. 1360. Л. 1.

³ Советская Сибирь № 200. 13 августа 1942 г.; ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 957. Л. 9.

⁴ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 951. Л. 32; Советская Сибирь. № 65. 1 апреля 1944 г.

⁵ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 706. Л. 79; Д. 952. Л. 32.

⁶ ГАТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 121. Л. 10; ГАКемО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 65. ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 076. Л. 79.

⁷ Советская Сибирь. № 71. 8 апреля 1942 г.

В. П. Клюева

Религиозное сообщество в Тюменском крае: стратегия выживания (1940–1960-е годы)

В конце 30-х – начале 40-х гг. антирелигиозная политика, проводимая Советской властью, привела к значительной трансформации религиозной жизни, маргинализируя и загоняя ее в подполье. При этом верующие пытались приспособиться к окружающей действительности, стараясь различными способами минимизировать тот вред, которое государство наносило их духовной жизни.

Во время войны отношение советского государства к религиозным организациям начало меняться. Конечно же, это не означало отхода от довлеющих в стране атеистических принципов. Но де-факто в военные годы религиозная жизнь стала оживляться. С молчаливого согласия правительства даже в центральной прессе появляются публикации о патриотической деятельности различных конфессий.

В 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ). Этот орган становился частью системы центральных государственных учреждений страны и относился к непосредственному ведению Правительства СССР. Год спустя, в 1944 г., создается Совет по делам религиозных культов, к ведению которого были отнесены все остальные конфессии и деноминации¹.

Религиозное сообщество Тюменской области в 1940-е и последующие годы было представлено различными конфессиями и деноминациями: христианские (православные, старообрядческие, протестантские, католические), мусульманские и иудейские религиозные общины.

Для верующих людей послевоенные годы были трудным периодом. И трудности были связаны не столько с духовными поисками (число верующих, несмотря на все препоны, медленно, но неуклонно возрастало), сколько с попытками легитимации собственных деноминаций. С конца 1920-х гг. многие верующие и их духовные лидеры находились на нелегальном положении, жили под постоянной угрозой ареста. Возможность получить регистрацию была особенно важна для протестантских групп, воспринимавшихся в обществе как секты.

В 1944 г. был учрежден Всесоюзный Совет Евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ)². Несмотря на название, ограничивающее число участников Совета, предполагалось, что ВСЕХБ объединит разные протес-

тантские деноминации: не только евангельских христиан и баптистов, но и пятидесятников, меннонитов и пр. В 1947 г. совет объединял около 3000 общин. В число их вошла и тюменская церковь ЕХБ. Регистрация тюменской общины состоялась в 1946 г. Молитвенный дом (по адресу ул. Чернышева, 22) был открыт 30 апреля 1946 г., пресвитером был утвержден Василий Андреевич Торбеев³. По мнению уполномоченного по делам религиозных культов по Тюменской области Е. Кузнецова, община особенной активности не проявляла. Хотя по воспоминаниям самих баптистов, это было время усиленной миссионерской деятельности. Косвенным подтверждением может служить крещение в 1947 г. 9 человек. Молитвенные собрания проходили один раз в неделю⁴. В первые послевоенные годы в общине насчитывалось не более 20 членов.

Тюменские баптисты оказались первой (если не считать православных) официально зарегистрированной общиной. И долгое время они были единственными протестантами, легально существующими в регионе. В 1955 г. свой молитвенный дом попытались открыть баптисты в Ишиме, но им было отказано, из-за того, что выбранный дом «не соответствует санитарным и противопожарным правилам для использования в качестве молитвенного дома»⁵.

Одновременно с баптистами, получили легальное оформление мусульмане. В 1947 г., в деревне Чикча Тюменского района была открыта мечеть⁶. До 1980 г. (когда мечеть была открыта в Тобольске) она также оставалась единственной. Перед решением о регистрации первой мусульманской общины уполномоченный по делам религиозных культов высказывал свое мнение о последствиях такого действия: «Со своей стороны считаю, что при разрешении Вами открытия хотя бы одной мечети в области даст большой толчок остальным населенным мусульманским пунктам и подачи ими заявлений об открытии молитвенных зданий и регистрации общин»⁷.

Небольшое количество открытых молитвенных зданий и зарегистрированных общин совершенно не означало религиозную инертность в регионе. Люди подавали прошения, получали отказ и собирались без разрешения. Например, мусульмане Тюмени и деревни Новые Юрты получили отказ на ходатайство о регистрации, и хотя официальные власти считали, что эти прошения «не носят настойчивого характера»⁸, но спустя 15 лет (1961 г.) численность верующих, в обоих населенных пунктах достигала 200 чел.⁹. А в конце 1950-х гг. на Курбан-Байрам в Новых Юртах собралось около 300 чел., преимущественно мужчин (от 12 лет и до преклонного возраста)¹⁰.

В 1947–1948 гг. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Тюменской области отмечал, что «к наиболее распространенным течениям можно отнести мусульман, секту баптистов с разновидностями [интересно, что под разновидностями предполагались не только пятиде-

сятники, но Свидетели Иеговы – В. К.], старообрядцев и иудеев. Хотя последняя никакой активности не проявляет, и лишь по некоторым непроверенным сведениям небольшая группа евреев конспиративно собираются в частном доме своего единоверца»¹¹.

Если говорить о фактической ситуации, то в эти годы (конец 1940-х) в регионе молитвенные служения практиковала незарегистрированная баптистская община в Ишиме, члены которой «вели усиленную агитацию среди православных за переход в их секту с некоторым успехом»¹². Однако в этой группе начался раскол на баптистов-евангелистов и иеговистов. Вероятно, на раскол повлияла приехавшая в Ишим из Казахстана проповедница-иеговистка¹³.

Заметную активность проявляла группа иеговистов, находящаяся в поселке Сургут Сургутского района Ханты-Мансийского национального округа. Также Свидетели Иеговы были замечены в Тобольске, Н-Тавде, Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске)¹⁴. Нелегальные адвентистские общины (адвентисты-реформисты) действовали в Тюмени с конца 1940-х гг.¹⁵, а в Ялуторовске – с 1957 г.¹⁶. Большинство таких групп было малочисленным – 5–10 чел., но известны и большие общины. Например, ишимских баптистов-евангелистов насчитывалось до 60 чел.¹⁷.

На юге области были меннонитские общины. Формирование меннонитских групп на территории Тюменской области связано с депортацией немецкого населения из центральных районов страны в 40-е гг. XX в. Концентрировались меннониты, главным образом, в Исетском районе. Активизация деятельности общин относится к рубежу 1940-х – 1950-х гг., когда из лагерей трудармии возвращается мужское население. Именно так произошло в Исетске, куда к родственникам, высланным из Аркадакского района Саратовской области, прибыли Д.Д. Паульс, И.Я. Фрезе и Я.Я. Фрезе. Под руководством Д.Д. Паульса формируются группы в совхозе «Коммунар» и в селе Верх-Бешкиль. За организацию нелегальных религиозных собраний Паульс был арестован и осужден в апреле 1952 г. на 25 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях¹⁸. Но арест отдельных проповедников уже не мог серьезно повлиять на религиозную жизнь меннонитов, дело организации собраний из одних рук переходило в другие.

В 1956 г. общины меннонитов насчитывали в с. Верх-Бешкиль 14 чел., в с. Слобода Бешкиль – 28, в с. Исетском – 34 и в совхозе «Коммунар» – 49, а всего 125 чел. К 1958 г. их общая численность возросла до 140 членов. Здесь были представлены как братские, так и церковные меннониты, которые, впрочем, в условиях гонений, предпочитали объединяться, и вести совместное церковное общение.

В конце 1940-х-начале 1950-х гг. в области насчитывалось 88 мечетей и, по подсчетам уполномоченного более, 7000 мусульман. Верующие собирались на религиозные праздники – Уразу и Курбан-байрам. Обрядо-

вой стороной руководили муллы. Так, в Байкаловском районе было обнаружено два бывших муллы, «кои отправляют молитвенные обряды мусульманского вероисповедания, особое проявление происходит в населенных пунктах Тобол-Тура, где имеется мечеть». Отмечалось, что в некоторых татарских деревнях «отправление ритуалов среди верующих, в частности "обрезание", совершают нелегально избранные верующими муллы»¹⁹. До сих пор мусульмане рассказывают, что по деревням ходил т. н. «бродячие муллы». Их приглашали специально для никаха, именная наречения младенцев, провожания покойных и пр. Такая ситуация сложилась прежде всего из-за того, что для «этнических мусульман», в частности татар, ислам воспринимался как часть традиционной культуры, а не только как идеология.

В 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором говорилось о необходимости «избегать всякого оскорбления чувств верующих». Таким образом, менялась стратегия искоренения религиозности в советском обществе. Пришло понимание, что одни репрессивные меры, в их числе запреты и отказы в регистрации (даже тем, кто подпадал под определение «изуверские секты»: пятидесятники, адвентисты-реформисты), не помогут. Такая ситуация продолжалась совсем недолго.

На рубеже 50–60-х гг. XX в. в стране начинаются новая компания «по борьбе с религией» и административное ограничение деятельности церквей. Ужесточение по отношению к религии можно заметить и по газетным публикациям. В местной и центральной прессе появляются статьи с броскими названиями: «Почему я порвал с баптистами»²⁰, «Активнее бороться с сектантами»²¹, «Божьи люди»²², «Иной язык»²³, «Сектантские сети»²⁴ и т. д. В настоящее время эти статьи, несмотря на их политическую ангажированность, помогают понять обстановку, в которой жили советские верующие.

В 1961 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР утвердил инструкцию, по которой не допускались к регистрации «религиозные общества и группы верующих, принадлежащих сектам, вероучение и характер которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно православные христиане, истинно православная церковь, адвентисты-реформисты и т. п.»²⁵.

С этого времени советским гражданам начинают объяснять, что верующие бывают разные. И если к православным и мусульманам отношение было более-менее терпимым, то «сектанты» воспринимались как «враги государства». Последствия такого разграничения наше общество не может преодолеть и по сей день. Следует вспомнить о разделении на традиционные и нетрадиционные конфессии и активном манипулировании понятиями «этнический православный», «этнический мусульманин», «этнический католик».

В сознание людей вбивалось нетерпимое отношение к «сектантам-изуверам». Достаточно было человеку, выросшему в советском антирелигиозном государстве прочесть описание того, что происходило на молитвенных собраниях, чтобы согласиться с опасностью, несомной «изуверской сектой»²⁶: «фанатики-сектанты доводили себя до нервного экстаза – тряслись и выкрикивали отдельные нечленораздельные звуки... Королев, Самсонов, Черников [руководители тюменских пятидесятников. – В. К.] превращали участников сборищ в фанатичных сектантов, теряющих человеческое достоинство, пренебрегающих своим гражданским, общественным и семейным долгом, вносящих в наши советские семьи разлад, горе и прямое разрушение»²⁷; «деятельность этой секты направлена на отрыв ее участников от общественно-политической и культурной жизни общества, на вовлечение в секту новых членов из числа политически отсталых граждан, на воспитание детей в антикоммунистическом духе»²⁸. Действительно, школьники отказывались вступать в пионеры и комсомол, не занимались в кружках. Взрослые не ходили в кино и театр. Религиозная молодежь, выделяясь внешним видом и одеждой, была обречена на замкнутость. Их появление в общественных местах нередко выливалось в травлю вплоть до избиения²⁹.

В том же 1961 г. было принято постановление Совета министров «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». После его принятия по всей стране был проведен единовременный учет религиозных объединений, как официально существующих, так и незарегистрированных. Выяснилось, что в Тюменской области представлен весь религиозный спектр: христиане – православные, (в т.ч. старообрядцы и истинно-православные христиане), католики, протестанты (евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, лютеране и бетбрудеры, меннониты), мусульмане, молокане³⁰. Из них официально были зарегистрированы по-прежнему православные, мусульмане в деревне Чикча и евангельские христиане-баптисты в Тюмени.

В целом, мусульманских религиозных общин насчитывалось 16. Из них в г. Тюмени – 2, одна в центральной части города, другая в дер. Новые Юрты, за городской чертой. В Тюмени максимальное количество верующих посещающих молитвенные собрания – 70–100 человек. Молитвенные собрания проводились в домах верующих (до 30 человек), под открытым небом (до 70 человек).

Католиков было 2 группы – в Тюмени и Ханты-Мансийске. В селе Абатском были лютеране (в отчете записано: католики лютеранского направления). Тюменских христиан-баптистов – около 80 человек. Также выявлены баптистские общины по селам. Хотя источники не отмечают, но незарегистрированная группа баптистов была в с. Исетском. Пятидесятники жили в Ялуторовске, Заводоуковске и Тюмени (группа пятидесятников в Тюмени была разогнана в 1959 г.). В Исетском районе

(совхоз Коммунар) менонитская община (17 членов общины, 2 проповедника и 30 человек готовилось к вступлению в общину). Молокане были обнаружены в Тобольске, в количестве 20 человек.

В целом, больше всего различных религиозных групп было в Тюмени. Здесь были представлены почти все выявленные деноминации: православные, мусульмане, католики, бетбрудеры (лютеране), пятидесятники, евангельские христиане-баптисты, адвентисты-реформисты. Следующим местом локализации общин стал Ханты-Мансийск, где не было протестантов и мусульман, зато были истинно-православные христиане.

Обычно верующие для молитвенных собраний собирались по домам. Зачастую общины объединялись вокруг духовных лидеров. Численность сельских групп была небольшой (5–15 человек). Зачастую они обслуживались приезжающим проповедником или муллой. Тогда как в городах и крупных общинах был свой проповедник.

Государство по-разному относилось к религиозным группам. С мусульманами вели атеистическо-просветительскую работу. В этот период при областном обществе «Знание» создается отдел по работе среди татар и казахов. Была развернута массовая атеистическая работа среди мусульман, которая привела к закрытию чикчинской мечети³¹. Однако им не угрожал арест, в худшем случае, административные наказания, хотя КГБ отмечал среди мусульман «повышение активности в проведении религиозных праздников»³².

Деноминации, отнесенные к «изуверским сектам», находились под постоянной угрозой ареста. Они собирались нелегально, т.к. «вследствие изуверского характера обрядов и антигосударственной направленности секты пятидесятников и адвентистов-реформистов (субботников) советскими органами не регистрируются»³³. Причины, почему различные секты отказывались регистрировать, заключались в следующем: «пятидесятники или христиане евангельской веры в силу своего вероучения отрицают защиту отечества с оружием в руках. Иеговисты в силу своего вероучения отрицают всякую гражданскую власть. Истинно-православные христиане в силу своего вероучения не признают Советскую власть»³⁴. Конечно же, главная причина была в том, что все эти «антигосударственные и изуверские секты» воспринимались как политические организации, и потому находились под жестким контролем карательных органов.

На рубеж 1950–1960-х гг. приходится волна судебных процессов по религиозным мотивам. Например, в Тюмени в 1959 г. состоялся общественный суд над руководителями пятидесятнической общины, существовавшей, ориентировочно, в 1957–1959 гг. В протоколе молитвенные служения названы «сборищем с участием 15–25 человек»³⁵. В 1961 г. в Ялуторовске был осужден Е.И. Бабушкин руководитель пятидесятнической общины и Н. Скориков, лидер общины адвентистов-реформистов³⁶.

В 1960 г. в Исетском районе была проведена нейтрализация меннонитов путем привлечения активных проповедников к уголовной и административной ответственности, дискредитации верующих через печать, «работок» на собраниях. Открытые судебные процессы над верующими состоялись в мае-июне 1962 г. в Тюмени и Ялуторовске³⁷.

В связи с уголовными преследованиями у верующих выработалось несколько вариантов дальнейшей жизни религиозных общин. Те группы, которые не имели шансов на самостоятельное существование (пятидесятники, адвентисты, меннониты) могли объединиться в рамках ВСЕХБ (так поступили часть пятидесятнических общин и братские меннониты). Также допускалась возможность объединения всех незарегистрированных и зарегистрированных (в случае их отделения от ЕХБ) общин в единый нелегальный союз с последующим требованием узаконить его правовой статус (это относится к пятидесятникам и адвентистам-реформистам). Также обсуждалась проблема эмиграции членов общин и последующего объединения с зарубежными центрами.

В начале 1970-х гг. наступает некоторое послабление в отношении властей к верующим. И в 70-е гг. начинают выполняться выработанные стратегии, которые в конце 80-х г. привели к оживлению религиозной жизни в стране.

¹ Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. С. 82, 108.

² Первоначально совет назывался ВСЕХиБ, затем две деноминации – евангельских христиан и баптистов слились в одну, и аббревиатура совета стала выглядеть таким образом – ВСЕХБ.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 24–25.

⁵ ГАТюмО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 693. Л. 201.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 27. Л. 19.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 29–30.

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 370. Л. 10–11.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 85.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 29–30.

¹² Там же. Л. 24–25.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ ГАТюмО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1714. Л. 16.

¹⁶ Из протокола народного суда Ялуторовского района по обвинению руководителей протестантских религиозных объединений от 7–8 июня 1961 г. // Архив Ялуторовского районного народного суда.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 885. Л. 5.

¹⁸ Эйхельберг Е. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999. С. 65.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 29–30.

²⁰ Лобков В. Почему я порвал с баптистами // Тюменский комсомолец. 1959. 2 августа.

²¹ Винокуров В. Активнее бороться с сектантами // Тюменская правда. 1959. 23 июня.

²² Конаков А. Божьи люди // Тюменская правда. 1961. 4 февраля 1961.

²³ Селянин Г. Иной язык // Тюменский комсомолец. 1964. 1 ноября.

²⁴ Шорохов К. Сектантские сети // Блокнот агитатора. 1959. № 12. С. 31–37.

²⁵ Ефимов И. Современное харизматическое движение сектантства: (исторический очерк, критический разбор вероучения, положение в настоящее время) // В гостях у законника. <http://www.geocities.com/Athens/Cyprus/6460/efimov>.

²⁶ Цитата относится к пятидесятнической общине г. Тюмени.

²⁷ ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 195. Л. 100–101.

²⁸ Там же. Д. 164. Л. 72.

²⁹ Алексеева Л.И. История инакомыслия в СССР. Вильнюс–Москва, 1992. С. 155.

³⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 370. Л. 1 а–4 б.

³¹ Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов. Тюмень, 2005. С. 153.

³² ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 85.

³³ Из протокола народного суда Ялуторовского района...

³⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 30.

³⁵ ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 195. Л. 100.

³⁶ Из протокола народного суда Ялуторовского района...

³⁷ Замятин Н. Нет прав без обязанностей // Тюменская правда. 1987. 4 сентября.

В. Л. Некрасов

Западно-Сибирская нефтегазовая провинция на начальном этапе освоения в контексте региональных интересов (1962–1969 годы)

Открытие в начале 1960-х гг. Западно-Сибирской нефтегазовой провинции кардинально изменило геоэкономическую ситуацию в регионе. Изменения отразились в первую очередь в обновлении приоритетов экономического развития, направлении формирования региональной политики освоения северных территорий.

В данном исследовании автор опирается на официально выработанное определение категории региональной политики как системы целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также ме-

ханизм их реализации¹. В современном регионоведении принято различать государственную региональную политику, проводимую центральными (федеральными) органами государственной власти в отношении регионов, и собственно региональную политику, проводимую субъектами Федераций в отношении территорий, которые находятся под их юрисдикцией². В контексте исследования эта рекомендация обуславливает анализ одного из ключевых аспектов советской региональной политики – соотношения центрального и регионального уровней в отношении районов нового промышленного освоения.

Диапазон интерпретаций советской региональной политики в современной отечественной исторической и экономической литературе достаточно одномерен и сводится к тезису о приоритете централизованного управления социально-экономическим развитием территорий над региональным³. Однако данное утверждение не раскрывает многообразия связей между центральными и региональными органами власти в формировании региональной политики. Новейшие исследования подтверждают, что региональная политика в условиях советской экономической модели представляла сложный феномен и формировалась на основе соотношения интересов Центра, представляемых высшей партийно-государственной номенклатурой, руководителями отраслевых министерств и ведомств, с интересами регионов, которые выражались партийно-советскими руководителями территорий⁴.

После открытия нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири перед советским руководством обозначилась проблема разработки и принятия решения – определить, каким, с учетом западносибирских ресурсов, будет дальнейшее развитие топливно-энергетического комплекса, как и в какие сроки будет осваиваться Западно-Сибирская нефтегазовая провинция (ЗСНГП).

В высшем партийно-государственном руководстве с середины 1950-х гг. развитию нефтегазовой промышленности придавали стратегическое значение⁵. Решения XXI и XXII съездов КПСС закрепили ускоренное развитие нефтегазовой промышленности⁶. Перспективы нефтяной и газовой промышленности советское руководство усматривало в освоении ресурсов восточных районов СССР. В начале 1960-х гг. наиболее перспективными среди крупных нефтегазоносных провинций считались Туркмения, Узбекистан, Западный Казахстан и Западная Сибирь⁷.

В высшем партийно-государственном руководстве находились влиятельные сторонники освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Секретари ЦК КПСС А. Б. Аристов, А. П. Кириленко фактически лоббировали интересы Тюменской области. А. Б. Аристов еще в 1959 г. побывал в г. Тюмени, где провел совещания с руководством области, выслушав доклады специалистов Тюменского геологического управления о результатах поиска нефти и газа в области, поддержал идею ос-